

О понятиях и категориях в философии и теории права (или что отличает науку от мнений в науке)

Альбов А.П.

заведующий кафедрой «Теории и истории государства и права»,
доктор юридических наук, профессор Финансового университета
при Правительстве РФ
E-mail: aar62@yandex.ru

Аннотация. В статье объясняется, что в отношении философии и теории права нельзя представлять себе дело так, будто речь идет о синтезе двух в равной мере сформировавшихся, противостоящих друг другу областей знания. Философия первична по отношению к любой положительной науке о природе, человеке и обществе, как первична сама мысль, созидаящая науку. Именно философия и философское познание сущности права и государства составляют действительный исторический и генетический источник формы научного знания этих институтов.

Ключевые слова: философия права, теория права, правосознание, диалектический материализм, диалектика, марксизм-ленинизм, право, государство, понятия, категории.

Важнейший путь к постижению культуры народа — изучение его истории, в том числе и истории мышления: философского, естественно-научного и не в последнюю очередь — правового. Поэтому, если мы хотим понять нравственно-правовое состояние общества, его правовую культуру, научно обосновать принципы нормотворчества и правоприменения, мы должны обратиться к особенностям истории национальной культуры, к мировой и национальной философии. Этот опыт нашел свое отражение и осмысление в русской философии права, о нем нам выпала честь написать в работе: «Русская философия права...»¹, которая практически сразу же стала библиографической редкостью, и что особенно ценно сегодня, что она уже тогда получила высокую оценку известного ученого не только в нашей стране, но и за рубежом академик Д.А. Керимова, который отмечал, важность и актуальность рассматриваемых проблем для возрождения и развития философско-правового знания в XXI в.²

В своих исследованиях мы опирались как на личные беседы с академиком, так и на его фундаментальные труды. Так Д.А. Керимов отмечал: «Нельзя признавать наукой лишь эмпирические знания и отказывать в научности философским обобщениям данных знаний, поскольку эмпирический (и тем более созерцательный, чувственный) уровень изучения правовых объектов, явлений и процессов с неизбежностью ведет к

рациональному их познанию. То обстоятельство, что философские обобщения нередко являются «опосредованными» в том смысле, что выражают наиболее существенное в уже познанном другими науками, вовсе не исключает их научности. Это тем более справедливо, что наука самостоятельно разрабатывает методологические основания исследования любого объекта, явления, процесса»³.

Философия права является наукой, в равной мере принадлежащей как философии, так и юриспруденции. Поэтому она должна отвечать требованиям, предъявляемым к каждой из этих областей знания. Как метафизическая дисциплина она должна раскрывать, пусть и в особенной форме, всеобщее содержание единства мышления и бытия. Как часть теории права она должна раскрывать сущность права (права и государства, поскольку разделить их можно только в абстракции). Однако тождество указанных предметов отнюдь не очевидно. Поэтому и действительность философии права также проблематична.

На сегодняшний день в нашей правовой науке в целом сложилось два основных подхода к трактовке философии права и ее предмета. Одни полагают, что философия права представляет собой распространение общей философии на проблемы права. Такой подход представляется неправомерным, поскольку ведет к схематизму, к навязыванию абстрактных философских схем и аксиом живой правовой действительности. Это положение является своеобразной «калькой» с известного в прошлом сталинского определения исторического материализма в качестве результата распространения принципов

¹ Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология / А.П. Альбов, Д.В. Маслеников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. и др. СПб., 1997.

² Керимов Д.А. Русская философия права: Философия веры и нравственности. Антология (А.П. Альбов, Д.В. Маслеников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. Автор руководитель проекта В.П. Сальников). СПб., 1997. 398 с. // Государство и право. 1998. № 10. С. 117–118.

³ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М., 2001. С. 8.

диалектического материализма на область социальной жизни.

Согласно второму подходу, философия права есть часть теории права, специализирующаяся на проблемах методологии. Здесь мы видим традиционную точку зрения позитивизма, который либо вообще отрицал значение философского знания, либо стремился свести роль философии к подчиненному положению, ограничив его методологической функцией. Представители юридического позитивизма признают только позитивное право, утверждая, что мыслить можно только то, что есть, но в реальности не существует ни естественного права, ни вечных ценностей. Однако мысль стремится познать причину того, что «есть», а значит, она должна выйти за пределы того, что «есть», выйти в сферу иного, в сферу отрицательности. Значит, наряду с позитивными науками о праве должна быть наука мышления причины права.

Иногда можно встретить точку зрения, согласно которой предметом философии права является естественное право. На наш взгляд, это неверно, так как любая философская дисциплина лишь тогда является философией, когда она раскрывает важнейшие философские вопросы о всеобщих первоосновах бытия, об отношении мышления и бытия, о месте человека в мире. Предметом же теории естественного права являются не всеобщие первоосновы бытия и мышления, а особый вид права, а именно: вечное, божественное, неписаное право, в котором воплощается идея справедливости и абсолютного добра. Это вечное, «естественное» право противопоставлялось «писаному», положительному, временному праву. Конечно, сам факт существования такого вечного права нуждался в философском обосновании, которое давала философия права. Однако от этого теория положительного права сама вовсе не становилась философией, продолжая оставаться именно позитивной наукой о праве, даже несмотря на то, что она анализировала вечные категории справедливости, права, добра, нравственности. Философия права как самостоятельная наука имеет свой собственный предмет, который не может отождествляться с учением о естественном праве.

Сложившийся в русской традиции подход к определению философии права, ее предмета, вытекал из понимания сущности философского знания. Его удачно выразил И.В. Михайловский: «И как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать те общие пути, те принципы, при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры».

Философия права, таким образом, обладает по отношению к теории права независимостью и самостоятельностью. Но между ними существует и необходимость взаимопроникновения: так, если у теории права есть потребность в философии права, в силу того что она заимствует у нее ведущие положения, то и философия права должна принимать во внимание те научные результаты, которые получает теория права. Любая научная теория, в том числе и теория права, включает в себя историческое и логическое содержание (следует различать принятое разделение учебных дисциплин и внутреннее деление научной теории, в соответствии с понятием права.) Это содержание должно быть вписано в единую картину общего юридического знания. Таким образом, теория права и философия права могут и должны существовать друг с другом. Философия права не может не признавать важность отдельных юридических наук, как и, наоборот, — отдельные юридические науки не признавать значимость философии.

В своей сущности право имеет основание во всеобщих, вечных принципах мироздания, конституирующих начала бытия и мышления. Право — одна из форм выражения абсолютной истины, поэтому оно интуитивно воспринимается или осознается как нечто священное, обязательное и справедливое. В противном случае право было бы лишь софистическим прикрытием произвола. Ведь если право не включает в себе абсолютного начала, то оно зависит от чего-то относительного, временного, исторически изменчивого, установленного в угоду лицу, классу или «духу народа». Поэтому лишь дело времени, когда историческое развитие приведет к тому, что убийство или воровство станут правовыми нормами (и будут нравственными). Раз так, то, что мешает признать их таковыми сегодня (хотя бы признать в этом качестве только мне и только для меня)? Но именно это и будет означать, что права как такового не существует. Отрицание абсолютного начала неизбежно ведет к аннигиляции права и эрозии нравственности, точно также как отрицание абсолютности истины есть отрицание самой истины.

Истина, как и право, не существует изначально в готовом и законченном виде. По своей природе абсолютная истина есть процесс, реализующий себя в истории. Поэтому и философия права имеет историческую форму. Мера ее развития ограничивается двумя моментами: 1) уровнем развития общества и позитивного права, фиксирующим меру разумного проникновения в сущность абсолютного права; 2) степенью развития философского знания, определяющей теоретико-методологические основания всякого рационального познания.

Исторические этапы становления философско-правового знания соответствуют этапам раз-

вития философии как науки о всеобщем тождестве мышления и бытия. В античности формируется понимание природы права и государства как выражения абсолютного блага и справедливости, которое на исходе античной эпохи концентрируется в идеях естественного права и естественного закона (двух взаимопересекавшихся традиций, определявших лицо политико-правовой мысли также и в эпоху Средневековья). Для эпохи Нового времени характерен углубленный интерес к проблеме отношения вечного естественного и временного позитивного права. На этом этапе предлагались и разрабатывались все возможные варианты решения этой проблемы. Высшей формой развития философии права является немецкая классика, представители которой — Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель — возводили право не к абстрактному неизменному естественному закону, а к субстанциальному принципу абсолютной свободы, самоопределяющейся к своему развитию.

Обращение к историко-юридическому опыту, накопленному правовой наукой в процессе становления и развития ее методологического аппарата, должно быть направлено на выявление его значения и возможностей использования в конкретной исторической обстановке нашего времени.

Недостаточная осведомленность об опыте применения диалектического метода в юридической науке, забвение этого опыта, причем как дореволюционных, так и советских ученых-правоведов, приводит подчас к неверной оценке исторических предпосылок государственного строительства и его перспектив.

В настоящее время исторические исследования еще сравнительно редко связываются с конкретным анализом государственно-правовых явлений. Не отработана в достаточной мере методика конкретных историко-сравнительных правовых исследований. В силу этого методология сравнительно-исторического правоведения носит в большей мере дедуктивный, чем индуктивный характер.

«В XIX в. в Европе расцвела абстрактная и формальная юриспруденция...расцвету формальной юриспруденции соответствовало пренебреженное и разлагающее правосознание. Формула выродившегося и разложившегося правосознания была развернута марксистами сначала теоретически, а потом и в революционной практике»⁴.

Сегодня наука может развиваться, лишь опираясь на предшествующий духовный опыт, сконцентрированный в истории самой науки. В этом видится возможность преодоления юридического позитивизма, догматизма, идеологиче-

ской демагогии и, как следствие, возрождения классических традиций науки: последствия октябрьского переворота привели к уничтожению прежних, тысячелетиями сложившихся государственности и правосознания русского народа, впитавших идеи Платона и Ярослава Мудрого, Аристотеля и Нила Сорского, Канта и Новгородцева, Гегеля и Ильина и многих других ученых-философов. «Октябрьский переворот стал сокрушительным жребием для России... лучшее, что ждало Россию, — неумелая, хилая, нестройная псевдодемократия без опоры на граждан с развитым правосознанием и экономической независимостью»⁵.

Какую бы мы ни открыли монографию, какую бы ни прочли статью сегодня в научном юридическом журнале, обнаруживается, что существует бесчисленное множество вариаций так называемых научных понятий, категорий, дефиниций одного и того же предмета. Человеку, хорошо усвоившему в свое время курс диалектического и исторического материализма, становится понятно, что мешанина всех существующих определений в различных их вариациях есть не что иное как правопонимание — понятие, данное на Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) в Институте права АН СССР. Большой вклад в освещение проблемы марксистско-ленинской теории внес и сам товарищ И.В. Сталин в главном учебнике для коммунистов и беспартийных «Вопросы ленинизма»⁶. Многие годы по этой работе обучались в учебных заведениях страны, она была методологической и научной базой на долгие десятилетия для теоретиков. «Результатом стало отрицание духовной личности, сведение человеческой жизни к материальным процессам, неверие в силу личной свободы, вера в силу механической покорности, диктаториального приказа и запрета. Такое «правосознание» есть правосознание только по видимости; на самом деле оно отрицает право как проявление свободы и утверждает произвол государства»⁷.

С помощью «классово-волевого» подхода к определению права и государства можно, что подтвердила впоследствии вся история советского правопонимания, обосновать какое угодно право, оправдать какие угодно массовые репрессии и какие угодно акты тоталитарного или полицейского режима, списать все провалы и просчеты собственных руководителей в экономике, в политике на происки и деятельность шпионов, диверсантов, журналистов, артистов, заоке-

⁴ Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 222.

⁵ Солженицын А.И. Двести лет вместе. Т. 2. М., 2002. С. 75.

⁶ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952.

⁷ См.: Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 223.

анских стран и т.д. и т.п.⁸ В результате каждый шаг политической истории становился определённым материалом для очередной дефиниции права и государства, идеологической трескотней «правоведов».

Может ли уважающая себя наука каждый раз подстраивать свой категориальный аппарат под партийные идеи и решения съездов? На наш взгляд, ответ однозначен. За годы идеологического обеспечения деятельности власти у теории права и государства из-под ног выбит фундамент, присущий любой другой науке, а именно предмет исследования. Сначала наука о праве определяет свой предмет в духе исторического материализма как «наиболее общие...», а потом уже приступает к раскрытию, усвоению, присвоению определённости этого предмета, выражаемой в концепциях, схоластических учениях, доктринах и догмах. Так просто!

В естественных науках предмет дан самой природой: это физические тела, химические элементы, числа и т.д. Поиск какой же истины было занято правоведение? Скорей всего, оно занималось экзегезой, которая действительно имела место быть в духовной сфере как начальная, самая первая стадия уяснения и разъяснения смысла текста, однако для большинства теоретиков она была и остаётся основанием и результатом всей научной деятельности. Что толковали, то и толкуют до сих пор: все те же постулаты, дефиниции и идеи тех же Дж. Остина, И. Бенгема, К. Маркса и В. Ленина. Эта история повторяется с удивительной настойчивостью, точно так же, как и история развития религиозной формы сознания, где церковь на первом этапе своего становления занималась именно толкованием текстов, механическим его разъяснением. Вот и вся «научная» позиция: центральным пунктом выступает единственная возможность быть истолкователем той или иной доктрины. Но кому это нужно, в чем научность?

Прочсть классические основополагающие работы (Платона, Аристотеля, Бенгема, Канта, Шеллинга, Гегеля, Маркса, Ильина) — дело не простое, уяснить для себя саму систему, ее истоки — еще сложнее, надергать из них цитаты и подкрепить ими любую какую угодно категорию или какое угодно метафизическое определение, необходимое «текущему моменту», — это всегда пожалуйста, главное — угадать, что надо «текущему моменту»!

Важно понять, что «на определенной фазе истолковываемое содержание оказывается истинным в совершенно противоположных позициях. Следовательно, если ставится задача удержать предмет в его непосредственности, то это вели-

чайшая практическая и теоретическая ошибка, потому что ни теоретически, ни практически не избавиться от того, чтобы на определенной ступени этот предмет не обнаружил себя в своей собственной противоположности. Вот как раз на этом моменте и выступает вся форма рефлексии, так называемая духовная, научная жизнь»⁹.

Что же получается, что было истиной, теперь оказывается заблуждением, то, что было священо в тридцатые годы, теперь оказывается преступлением. Именно в этом месте и происходит кризис и полный крах обыденного правосознания. Дело в том, что на протяжении столетий господствовало метафизическое мышление, а не диалектика, и наши теоретики сообразили, что пользоваться этим словом, как, например, это делали классики, уже нельзя. Кроме того, обнаружился и ещё один не очень понятный момент в определении самого предмета теории права и государства: «наука о всеобщих законах...».

Что такое всеобщее, как с ним быть? Все обыденному сознанию не охватить, охватить можно только кое-что, значит, «всеобщее» не подходит, и, следовательно, видоизменим, приспособляем, защищаем диссертации о предмете и пишем: «Теория государства и права — наука о наиболее общих закономерностях (законах) и тенденциях происхождения, развития и функционирования государства и права...» Все, дефиниция удалась! Вот такой забавный получился генезис у этой «научной позиции». Откуда же выражение «наиболее общие законы»? Из простого определения...

Что такое философия и философия права? Что-то непонятное уму теоретика, нечто призрачное, ощущение, что имеешь дело с ничто, с абсолютной пустотой. Но разве можно правоведению исследовать и изучать вообще что-то такое? Уж если заниматься, так чем-то вполне конкретным, осязаемым, что можно потрогать, подергать или отрегулировать, написав норму права. Возникает вопрос у правоведа: «А чем это там таким занимаются другие науки, которые изучают что-то конкретное, например, природу, животных, общество?». Вот они-то, наверняка, чем-то занимаются конкретным, полезным, что-то измеряют, описывают?».

Но, увы, сколько бы ни обобщали данные других наук, их предметы и методы, сколько бы ни ставили перед собой задачу вывести наиболее общие законы, эта задача до сих пор не выполнена, потому что наиболее общих законов в теории права и государства не существует: ни в одном учебнике, ни в одной монографии.

Когда начинают серьезно относиться к тезису о поиске предмета науки теории права, то ищут, например, наиболее общие законы органической природы и общественной жизни (ведь общество

⁸ Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников / Доклад т. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

⁹ См.: Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012. Т. 1.

рассматривается с периода дикости как часть дикой природы, то есть как говорящая природа), а на практике возникают такие учения, как социал-дарвинизм, мальтузианство, основанные на выводе, что одни народы, в буквальном смысле слова, должны выживать за счет других. Хорошая задумка этот поиск наиболее общих законов?!

Вспомним, сколько существовало разных точек зрения за последнее десятилетие на то, что есть философия права, но и по сей день ни предмет, ни метод этой науки не определены. Как быть? Значит, снова идем по уже известному пути рассудка: нужно выбрать и нужно определить! Вот хорошо бы знать или еще лучше угадать...

Итак, у Фомы Аквинского и Августина Блаженного — дурная слава: не подходит. Неотомизм — «идеологическая служба буржуазии»: не годится. Немецкая классическая философия — гегельянщина, да и что там написано вообще: тоже не подходит. Выбираем идеи столетней давности марксизма, и начинается беззастенчивая подтасовка: выступает верный приверженец догматизма и позитивизма с экзегезой, и все повторяется сначала. Налицо разорванность сознания, трагедия духа, гибель личности в целом: профессионалы, промышляющие политикой и теорией ради куска хлеба, теоретизировали так, как было угодно, как требовали. Кто у нас был первым теоретиком? Иосиф Виссарионович Сталин. Вторым — Владимир Ильич Ленин. Потому что И.В. Сталин гениально истолковал то, что содержалось в качестве мешанины и набросков у В.И. Ленина, который «приспособил» к текущему моменту идеи К. Маркса.

Сегодня теоретики для себя упростили задачу определения предмета и метода философии права, понятия «право»: раз надо сказать, что такое право, то я выбираю то, что сказал тот-то и тот-то, что понятно. Как же быть с остальными учениями? «А они не научные», — вот и вся отповедь.

В этой связи зададимся вопросом: «Как можно дать сущность понятия права по И. Канту, Дж. Остину или Аристотелю?» Скажут: «Нет ничего проще. Нужно просто-напросто процитировать Канта, дать свою интерпретацию и объяснить, чем взгляды Канта отличались от взглядов Остина. Вот и всё». Против такой порочной практики и беззастенчивого вхождения в науку высказался Гегель: «Резонерское обоснование или разъяснение понятия науки может самое большее привести лишь к тому, что понятие станет объектом представления и о нем будут получены исторические сведения; но дефиниция науки или, точнее, логики имеет свое доказательство исключительно в необходимости ее происхождения... Совсем не удивительно, что один отсюда, другой оттуда приводит какой-нибудь случай или пример, показывающий, что под таким-то выражением нужно понимать еще нечто большее

и иное и что, стало быть, в его дефиницию следует включить еще одно более частное или более общее определение и с этим должна быть согласована и наука. При этом от резонерства зависит, до какой границы и в каком объеме те или иные определения должны быть включены или исключены; *само же резонерство имеет перед собой на выбор самые многообразные и самые различные воззрения, застывшее определение которых может в конце концов давать только произвол.* При этом в способе начинать науку с ее дефиниции нет и речи о потребности показать необходимость ее предмета и, следовательно, также ее самой»¹⁰.

Хорошо известны многочисленные попытки в теории права дать отражение в понятиях, дефинициях, категориях наиболее общие свойства, признаки, качества различных социальных процессов, явлений и институтов. Некоторые смельчаки берутся трактовать и сами понятия «воля», «свобода», «познание». Сразу скажем, что полученное таким образом определение предмета — это не понятие, и к науке не имеет никакого отношения. Почему? Да потому, что если бы мы имели дело с понятием, то понятие должно было бы служить исходным пунктом дефиниции предмета, так как дефиниция в простейшем уже есть суждение, а это понятие в суждение не втянуть. Обобщая предшествующую научную мысль, Гегель резюмирует: «... и вообще само понятие науки, причем это *понятие составляет ее конечный результат*: она поэтому не может заранее сказать, что она такое, лишь все ее изложение порождает это знание о ней самой как ее итог (Letztes) и завершение. И точно так же ее предмет, мышление или, говоря определеннее, мышление, постигающее в понятиях, рассматривается по существу внутри нее; понятие этого мышления образуется в ходе ее развертывания и, стало быть, *не может быть предпослано*»¹¹. Разве Аристотель был озабочен тем, чтобы в первую очередь вскрыть ограниченность принципа Платона? Конечно, нет, он был занят развитием дальнейшего познания, и лишь в ходе этого познания появляется и критическое отношение к предыдущей теории. Не критика предваряет развитие, а развитие само оказывается действительной критикой, которая переводится в форму внешней рефлексии.

Вот в том и состоит наивность современного теоретизирования в правоведеии: оно слишком много пишет о понятии чего-либо, в том числе и о понятии права, воли, но что такое понятие и какова его природа, мало кто усвоил. Хотя работа «Наука логики» в полном объеме отвечает на это вопрос, потому что излагает в снятом виде весь

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1929. С. 5.

¹¹ Там же. С. 2.

предшествующий духовный опыт человечества в этом пункте. Ведь если стоять на позициях науки, то необходимо избавиться от субъективных представлений и субъективных мнений в самой науке и через содержание получить объективное понятие исследуемого предмета. И в этом случае оно будет одно. И двух понятий быть не может. Но единое понятие не исключает того, что осознание, освоение и развитие этого понятия проходит бесконечное множество фаз, формаций, изменений. Узнав, что такое право, мы можем установить то, чем отличается право от других социальных регуляторов. Значит, не будет смешения разных форм духовной деятельности, разных дисциплин, разных предметов. Назначение науки состоит в том, чтобы избавить человечество от повторения исторического развития и не заниматься бесконечным начетничеством, цитируя по своему усмотрению понравившегося автора и понравившуюся мысль, приспособливая свое умозаключение к «текущему моменту».

Суть духовной деятельности состоит в том, чтобы при научном рассмотрении высшее в развитии предмета сделать основанием для рассмотрения его самой первоначальной и примитивной формы. *Ход научного исследования — обратный ходу исторического развития самого предмета.* Высшая ступень предмета должна оказаться предпосылкой и исходным пунктом для объяснения начала и исторического движения этого предмета. Необходимо рассмотреть все исторические ступени развития понятия права и государства, но не во внешней, а внутренней связи, поэтому необходимо сломать традиционный способ апеллирования к догматам. Ведь какой бы предмет или явление мы ни пытались познать, понятие, в конечном счете, является результатом процесса познания этого предмета¹².

Если посмотреть на развитие философии права, то обнаружится, что человек, который впервые приступил к разработке понятия «право», был Сократ. Разработка понятий «право» и «государство» имеет древнюю историю, и тем не менее в настоящее время до сих пор нет этих научных понятий в современной научной системе, которая должна быть закономерным результатом всех предшествующих философских систем. Таким образом, наука о праве и государстве превратилась в совокупность мнений типа: государство — организация публичной власти; публичная власть — победившая не важно каким способом партия; право — то, что установило государство (т.е. партия), и т.д. Таким образом, всё многообразие духовного мира нации, народа, ее истории, культуры сводят к тому, что «кто-то написал», «кто-то подписал», «приказал», «реши-

ли», «постановили», «наказали», «я так считаю». Полное отсутствие здравого смысла!

Гегель писал: «Философией овладел рефлектирующий рассудок... Обращенный против разума, он ведет себя как обыкновенный здравый смысл и отстаивает свой взгляд, согласно которому истина покоится на чувственной реальности, мысли суть только мысли в том смысле, что лишь чувственное восприятие сообщает им содержательность (Gehalt) и реальность, а разум...остается сам по себе, порождает лишь химеры. *В этом отречении разума от самого себя утрачивается понятие истины, разум ограничивают познанием только субъективной истины, только явления... знание низведено до уровня мнения*»¹³.

Сегодня существует множество мнений о лубом понятии, которое используется в теории права, а раз это множество ещё себя не упразднило, не свело себя к единству, естественно, что и понятия нет. Усердные ученики спросят: «А что нам дает понятие?». Отнюдь не то, как понимают понятие в настоящее время, потому что под понятием, по правде говоря, в марксистско-ленинской философии ничего не понимается: в поисковых системах Интернета любые произведения, которые у нас публиковались за последние шестьдесят лет, на тему, что представляет собой понятие, говорят только об одном: правоведы цитируют прежде всего известных классиков и скрупулёзно выписывают, что классик понимал под понятиями «право», «государство», «воля», «товар», «стоимость», «капитал» и т.д. После того как демонстрируется этот «эмпирический скарб», делается вывод о том, что представляет собой понятие непосредственно для теории. Как видим, марксистские или какие-либо иные (это дело вкуса) понятия здесь служат шаблоном для того, чтобы рассуждать о понятиях в сфере права.

Во-первых, какой бы предмет мы ни хотели познать и объективно изучить, понимание в освоении этого предмета начинается лишь с того момента, *когда раскрывается всеобщая определенность данного предмета:* «Ибо предложение отличается от суждения главным образом тем, что в нем *содержание* составляет само *соотношение*, иначе говоря, содержание есть *определённое соотношение*. Суждение же переносит содержание в предикат как всеобщую определенность, которая имеется сама по себе и отлична от своего соотношения, от простой связки»¹⁴.

Следовательно, если необходимо дать понятие «человек», то вовсе нет необходимости изучать одного, второго, пятого, двадцатого и так до бесконечности, а желательно бы у всех людей на планете отыскать что-то существенное, общее. Вот тут кроется один из сложнейших пунктов для

¹² См.: примеры здесь и далее: Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012. Т. 1.

¹³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1929. С. 4.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч.

«теоретиков», когда понятие должно быть выражением всеобщей природы любого предмета: «природа всеобщего состоит как раз в том, что оно такое простое, которое благодаря абсолютной отрицательности содержит *внутри себя* наивысшую степень различия и определенности».

Сразу возникает проблема: что такое всеобщее? Отношение к всеобщему имеет многочисленные формы. Можно даже сказать, что современное теоретизирование базируется исключительно на абсолютном непонимании, что есть «всеобщее». Нет необходимости перечислять все имеющиеся формы заблуждения:

1. Всеобщее понимается как вся совокупность единичного. Это самое распространенное заблуждение, кочующее по всем публикациям. Значит, если сегодня в учебниках и научных статьях теоретики пишут, что государство выражает всеобщую волю, то это означает, что взяли воли всех индивидов, всех граждан государства, сложили их и как сумму и получили всеобщую волю. Проблема в том, что, сколько бы ни складывали единичного, из него всеобщего не получится, не получится ничего кроме прогрессирующей единичности, т.е. дурной бесконечности единичного и не более. Если всеобщность есть лишь совокупность единичного, то тогда и не нужно даже слово «всеобщность», так и следует говорить: «столько-то единичностей, все единичности» и не надо использовать другого слова. Гегель в «Науке логики» иронизировал, описывая этот парадокс рассудка: «В остальном же дальнейшие определения древних относительно формы атомов, их положения, направления их движения довольно произвольны и поверхностны; при этом они находятся в прямом противоречии с основным определением атомов. От атомов, принципа крайней внешности и тем самым от крайнего отсутствия понятия страдает физика в учении о молекулах, частицах, равно как и та наука о государстве, которая исходит из единичной воли индивидов».

2. Обыденное сознание догадывается, что эта трактовка всеобщего неприемлема. Ну и где тогда искать, если пункт 1-й не подошел? Единичное не всеобщее, совокупность единичного тоже не есть всеобщее, значит, всеобщее надо искать сразу по ту сторону единичного, следовательно, если опять искать всеобщую волю народов нашей страны, то всеобщая воля должна быть по ту сторону воли всех индивидов. Таким образом, это такая всеобщая воля, к которой вообще-то индивиды и их волеизъявления (даже и через представительные органы) никакого отношения не имеют. Правда, такая всеобщая воля у нас выступила в виде социалистического государства, а потом эта же воля стала основанием распада этого государства. Дело в том, что это всеобщая воля оказалась потусторонней волей для всех народов¹⁵.

Вот и получается, когда мечутся в этих двух крайностях, что, в первом случае, выходят из единичности, а следовательно, из случайности, а во втором — ищут всеобщее по ту сторону единичности. С этого пункта стартует самое неприятное: прославленная, воспетая в гимне всеобщая воля оказывается по ту сторону единичных волей, является исключительно мёртвой, абстрактной всеобщностью. Эта воля никакого другого содержания, кроме обыденных вождельний индивида, увы, получить не может. Следовательно, всеобщая воля оказывается по своему содержанию единичной. Теперь ясно, откуда неистребимая коррупция государственных чиновников в нашем российском государстве — именно из этой всеобщей государственной воли. «Безнравственные продажные люди, циничные демагоги авантюристы не могут ни создать, ни поддержать здоровый государственный организм... Здоровое государство покоится именно на духовных основах... Высшая цель государства не в том, чтобы держать своих граждан в трепетной покорности»¹⁶.

Итак, хоть п. 1 и 2 и кажутся прямо противоположными друг другу, на самом деле представляют единое содержание, только выраженное в противоположной форме. Очевидно, что во всех рассуждениях теоретиков всеобщее оказывается отнюдь не всеобщим, а только мёртвой общностью. Видимо, не усвоили, что всеобщее — это всего-навсего отрицание единичного. Парменид еще в VI в. имел дело с видимостью и мнением — с противоположностью бытия и истины; Спиноза в XVII в. — с атрибутами, модусами, рассудком, волей: «Синтез содержит и показывает неистинность указанных выше абстракций; в нем они находятся в единстве со своим иным, следовательно, даны не как сами по себе существующие, не как абсолютные, а всецело как относительные». Значит, нам нужно не абстрактное отрицание единичного, а особенное отрицание единичного. Вот тогда получается то, что не будет ни единичным, ни абстрактно-мёртвым всеобщим.

Можно упомянуть остроумное замечание Лейбница, что если бы магнит обладал сознанием, то он считал бы свое направление к северу определением своей воли, законом своей свободы. Скорее, верно другое, если бы магнит обладал сознанием и, значит, волей и свободой, то он был бы мыслящим.

Теперь понятно, насколько сложный путь приходится пройти при достижении понятия в любой науке. Значит, чтобы дойти до понятия, мы не можем ни ограничить себя единичной определённости этого предмета, ни уйти в «абстрактную всеобщность определённости» этого самого единичного предмета. Ни там и ни там мы понятия не получим. Следовательно, особенная

¹⁵ Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012. Т. 1.

¹⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 238.

определённость предмета должна быть основанием его всеобщего момента, или, наоборот, всеобщий момент предмета должен быть основанием его особенной определённости. В результате игнорирования этого положения из современной теории права выхолощено содержание.

Это следует прежде всего из различия предмета философии права и предмета иных юридических наук, а также из различия метода философии права и тех разнообразных методов, которые вырабатывают сами для себя иные юридические науки, для познания своего предмета. «В каждой ...науке рассматриваемый ею предмет и научный метод различаются между собой; равным образом и содержание [этих наук] не начинается абсолютно с самого начала, а зависит от других понятий и связано с окружающим его иным материалом. В содержание науки входит не только указание научного метода, но и вообще само понятие науки, причем это понятие составляет ее конечный результат»¹⁷.

Дело в том, что это различие предмета философии права и предмета юридических наук является предпосылкой, исходным пунктом для различения методов в этих науках и в философии права. И это различие сводится к главному: все методы всех наук вместе взятых являются эмпирическими. Как бы их не называли, какая бы процедура выбора этих методов ни была предложена, по сути ничего не меняется, тогда как метод философии права один и единственно возможный: диалектический и ничего более.

Используя методы эмпирических наук в теории права, получаем цепочку: берётся, например, наш гражданин в развитии нашего же общества и выдается за меру человека как такового вообще. Насколько здесь присутствует человеческая природа, нетрудно догадаться, то есть почти полная утрата человеческой природы, отсюда и апологетика всего преходящего, превратного в многообразии мнений и дефинициях.

Следовательно, понятие включает два момента: момент всеобщности данного предмета и момент его особенности, и поскольку ни то ни другое в односторонности не составляет понятия предмета, остается одно — необходим момент единства этих двух пунктов друг с другом. Единство всеобщего момента предмета и его особенности и есть то, что на языке диалектики называется единичным. Сознание, пытающееся рассуждать «о терминах и понятиях в праве» связывает с единичностью единичный предмет, так как он воспринимается проще и прежде всего нашим чувственным обыденным сознанием, забывая, что «понятие — это всеобщая сущность предмета»¹⁸ и «содержит три момента: *всеобщность, особенность и единичность*».

Кроме того, поскольку всеобщность и особенность не только связаны, но и одновременно различаются, то, собственно говоря, это и есть то противоречие, развитие которого и есть развитие научного понятия. Для того чтобы получить научное понятие, мы не можем начинать сразу с того, что выдадим на гора дефиницию, которая обычно выступает лишь представлением в теоретизирующем сознании. Это еще не будет понятием. Если возникает необходимость дать научное понятие, мы должны начать с противоположности: «каждое определенное понятие, разумеется, пусто постольку, поскольку оно содержит не тотальность, а лишь одностороннюю определенность. Если оно вообще-то и имеет конкретное содержание, например, «человек», «государство», «животное» и т.п., то оно все же остается пустым понятием, поскольку его определенность не есть принцип его различий; принцип содержит начало и сущность его развития и реализации; всякая же иная определенность понятия бесплодна»¹⁹.

Например, в абстрактном виде задают вопрос типа: «Ну как, то, что сейчас происходит в России, — это необходимость или случайность?». Как видно, сам способ постановки вопроса выдает сразу, что вопрошающий не знаком с диалектикой, так как здесь никакого понятия необходимости, случайности нет. Есть только временное противопоставление необходимости и случайности, именно абстрактная необходимость и абстрактная случайность и манипулирование этим. Но с самым серьезным видом наши ученые начинают беспредметные дискуссии, дебаты, споры. Удивительная форма неразвитости научного мышления, потому что абстрактная необходимость и есть сама случайность! И поэтому непонятно, о чём здесь идёт спор. По словам Гегеля, «...основание, почерпнутое из случайности, содержит возвращение этой случайности в абсолютную сущность, ибо случайное — это то, что в себе самом лишено основания, и то, что снимает себя. Абсолютная сущность, стало быть, при этом способе [доказательства] на самом деле возникает из того, что не имеет основания; основание снимает само себя»²⁰.

Как же получить научное понятие, если есть эмпирический материал (собственность, например)? Увы, коллекционирование, сложение особенного не есть всеобщее (как всеобщая воля не есть совокупность всех волей индивидов), всеобщая форма собственности не есть сложенная, умноженная собственность каждого в отдельности. Но, может быть, это такая форма собственности, которая по ту сторону индивидуальной формы собственности? Тогда это и есть наше

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1929. С. 2.

¹⁸ Allgeineine Wesen einer Sache.

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1929. С. 27.

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 76.

государство. А к чему пришло наше государство, являясь абстрактным владельцем собственности всех граждан, членов общества, мы с вами хорошо знаем.

Теоретические последствия опыта очень просты: он неизбежно наталкивается на китайскую стену иррационального. Что же касается практического опыта и его горьких последствий, то о них нам хорошо известно из средств информации: поскольку в опыте всегда преследуется определённая цель, и поскольку опыту присуща раздвоенность, которую он не в состоянии преодолеть, постольку цель эта всегда ограничена. Потом начинают говорить, что тут был нарушен какой-то опытный путь, что-то было искажено, но, увы, это природа опыта, который с необходимостью идет от одной особенной связи к ее отрицанию. Теоретикам следовало бы знать, что опыт не преодолевает противоположности сознания и предмета и не выходит из серии проб и ошибок. Следовательно, сколько бы ни напирала на опыт, он всегда будет преподносить сюрпризы и в практической, и в теоретической форме, притом будет выступать как совершенно неожиданное, ибо этим-то моментом всегда и выступает как раз то, что в опыте не подлежит определению.

Всеобщность с необходимостью требует, чтобы голая абстракция обратилась к содержанию. В качестве примера обратимся к истории нашего общества начиная с двадцатых годов прошлого века, а именно к истории развития отношений гражданского общества и государства, которое выступило в образе абстрактной всеобщности, абстрактного владельца средств производства для всех вообще и ни для кого в особенности. Тогда как гражданское общество было представлено совокупностью индивидов и всеобщей волей, имеющих только одно: способность к труду в качестве рабочей силы. Отсюда вся история противоречия, которая возникла и разворачивается настоящее время. Государство пытается сохранить себя как абстрактную всеобщность, поэтому и старается подвергнуть полному отрицанию гражданское общество и либеральные теории, однако, если бы это отрицание было доведено до логического конца, исчезло бы само государство²¹.

Лишь сейчас у нас инстинктивно, а не осознано появляются догадки, что государство может существовать как сфера гражданского общества, как сфера их взаимного отношения. Гегель в своей работе «Философия права» неоднократно обосновывал, что государство есть воля людей, гражданское общество — сфера реализации особенных, частных целей и интересов отдельной личности; он рассуждал, что «государство есть действительность конкретной свободы, кон-

кретная свобода состоит в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное развитие и признание своего права для себя и вместе с тем посредством самих себя частью переходят в интерес всеобщего, частью своим знанием и волей признают его, причем признают его именно как свой собственный субстанциональный дух и действуют для него как для своей конечной цели»²².

Все чаще встречаются суждения о необходимости правового государства, гражданского общества, воли народа и т.д. Но это означает лишь то, что государство должно потерять свою абстракцию и определиться со стороны гражданского общества, должно подвергнуть отрицанию гражданское общество и употреблять его как средство для себя, причем в интересах своего абстрактного тождества с собой, отсюда и лозунги: «государство — цель, каждый человек — средство», «служение государству — это всё», а если человек следует своему интересу, своему «Я», то это что-то из ряда вон выходящее.

На самом деле выступает обратное отношение: гражданское общество должно определять само себя и тем самым подвергать отрицанию абстракцию государства, где государство есть «действительность свободы», «не механизм, а разумная жизнь самосознующей свободы, система нравственного мира»²³. Действительно, зачем бы обществу рядиться в государственные одежды, если бы оно было развитым в себе самом до всеобщности?! Значит, само общество есть отношение конечного, индивидуального, поскольку в нем пребывают индивиды. Поэтому удивительные вещи происходят, особенно в умах великих государственников, когда они отношение одной конечной вещи к другой превращают в отношение сущности всего мира. Очевидно, к каким результатам может привести рассудочная способность, опирающаяся на опыт.

Например, возникает в юридической или иной опытной науке вопрос о необходимости возникновения той или иной общественно-экономической формации, о которой начинают утверждать при попытке исследовать государство.

Если стоит задача понять необходимость капиталистического или феодального способа производства и производственных отношений, начинают с того: «Была де такая-то эпоха, она начинается то ли в пятом, то ли в седьмом веке нашей эры и длится столько-то и прочее...». Перед нами запрещенный приём, потому что уже берётся эмпирически существующая формация, более-менее описанная в явлениях, и после этого начинает выступать на сцену резонерство, создавая фикцию, что оно будто бы знает необходимость этой фор-

²¹ См.: Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012. Т. 1.

²² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 286.

²³ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 482, 300.

мации. Тогда это не имеет отношения к науке. Если иметь в виду необходимость, покажите, есть ли рабовладельческая формация или ничего больше нет, как из нее с необходимостью выступила именно феодальная формация, а никакая другая. Но именно этого нигде и никем не сделано.

Как отмечал Гегель: «Легко, например, усмотреть, что такой республиканский государственный строй, как афинский или аристократический строй, смешанный с демократией, может иметь место лишь при известной величине государства; что в развитии гражданского общества количества индивидов, занятых в различных промыслах, находятся между собой в том или ином отношении; но это не дает ни законов, ни характерных форм этого отношения. Какими тусклыми и совершенно пустыми оказываются так называемые законы, устанавливаемые касательно отношения силы и слабости ощущений, представлений и т.д., мы убеждаемся, обратившись к руководствам по психологии, пытающимся найти такого рода законы»²⁴. Можно просмотреть все общественные формации, т.е. все исторические общества, фиксировать содержание и форму и говорить, что рабовладельческая формация есть одно содержание, а феодальная формация — другое, но мы по необходимости будем иметь дело с этим внешним различием формы и содержания до тех пор, пока не выступит природа общества и государства как таковая.

Так и работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» создаёт такую же иллюзию раскрытой необходимости возникновения государства, отразив ее основные моменты: особенность экономического отношения общества, его противоречивость, а следовательно, необходимость государственного аппарата, государственной машины и т.д.²⁵

Создаётся впечатление, что необходимость раскрыта, мы узнали, как появляется государство из общества. Однако, если пристально приглядеться к тем экономическим отношениям, которые даются в работе, и попытаться вывести из них хоть какую-нибудь определённую государственную форму, ничего не получится, если с самого начала не предположить, что государство в первоначальных своих формах уже есть греческое и т.д. А уж коль современное глубокомысленное теоретико-правовое исследование зачислило эти исследования в свою сферу, пусть тогда попытается решить хоть один вопрос, пусть раскроет необходимость хотя бы одной общественно-экономической формации и смены форм государства. Когда она будет раскрыта, мы поздравим с научным познанием исследователей предмета науки, которая изучает «*сущность, наиболее общие зако-*

номерности и тенденции происхождения, развития и функционирования государства и права в их постоянном взаимодействии...»²⁶.

Дело в том, что Ф. Энгельс и его последователи, истолковывая происхождение государства и права *водили читателя за нос*, потому что предполагалось, что достигнутая определённая экономических отношений в обществе сразу приобретает форму государства. Великолепно, но только при условии: если уверовать в то, что данные экономические отношения переходят в конкретную форму государства, а если перестать верить, то это перестаёт выступать доказательством, потому что дана связь исключительно внешнего характера.

Безусловно, какая-то связь между экономическими отношениями в обществе и государственной организацией есть, но вопрос заключается в том, раскрыта ли внутренняя сердцевина этой связи²⁷.

Нравственные законы тоже не существуют так, чтобы воспринимать их чувственным способом (правда, государственные нравственные законы существуют так, чтобы их можно было прочитать, но на то это и государственная форма нравственности, которая только по форме является нравственностью, а по сути своей — исторически неизбежной формой безнравственности), потому что внешней нравственности не бывает, потому что нравственность есть сознание единства, сущности, духовности²⁸. Значит, вместе с природными законами должны исчезнуть и законы нравственности. Но и это ещё не всё. Должны исчезнуть и законы самого исторического развития общества вообще, и законы развития духа, ибо и они чувственно не воспринимаются. И, как следствие, «миротворческие интервенции, проводимые ООН, вызывают подозрение, что универсальный проект, на словах стирающий границу между чужими и своими, оказывается формой морального ханжества»²⁹.

Значит, получаем святая святых эмпиризма: законов нет, необходимых существенных связей нет. «Такие определения берутся из другого источника, из эмпирического созерцания; они примыкают к так называемым понятиям извне. В философской же трактовке деления само понятие должно показать себя содержащим источник этого деления»³⁰, — писал Гегель. Что же есть?

²⁶ Определение предмета теории права и государства из подавляющего числа учебников.

²⁷ Санкт-петербургское общество классической немецкой философии // Познавательные материалы. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-66547.html> (дата обращения — 27 октября 2014 г.).

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 398.

²⁹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической истории. СПб., 2001. С. 35.

³⁰ См.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1929.

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1929. С. 4.

²⁵ Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012. Т. 1.

А есть только чувственно воспринимаемое, без связей, без необходимости, без законов. Что же это такое получили, наконец? Первоначальный хаос! *Итак, в начале был хаос и в конце тоже должен быть хаос!* Чем больше человек не знает, тем больше званий ему дают, а если человек вообще ничего не понимает, это — шедевр для государства!³¹

Но почему тогда теоретики не развивают идею об отмирании права и государства, если уж так держатся за догмы и за диалектический материализм? Еще недавно писали, что исторически государство должно отмереть, исчезнуть. Простите, а куда оно должно деться?! Что, государство пришло откуда-то к нам в общество и куда-то отлетит, к другому обществу?! Определённость государства есть всего лишь рефлексия определённости самого общества, именно не внешняя рефлексия. Так, если речь идет о снятии, отмирании государства³², то отмирание государства означает только одно: государство должно быть вновь поглощено в определённость общества; государство до тех пор существует, пока существует общество, с которым государство воюет, ограждая себя от гражданского общества. Уберите общество, и от государства ничего не останется. Изучая нашу историю, мы убедились, что история государства проявилась исключительно как история истребления гражданского общества, но не тотального, а частичного. Государство никогда не ставило задачей убить общество полностью — это значило бы истребить себя самого. Несложная задача: «чутьочку истребить, чутьочку сохранить, а иначе я само исчезну»³³.

Не случайно знаменитое положение, что общественное бытие определяет сознание, дальше тезиса не пошло. В истории своей страны мы имеем обратное: многочисленные документы подтвердили тезис о высокоцентрализованном характере репрессий сталинского периода, которые начинались и завершались по приказам из Москвы и жестко контролировались из центра. По многим операциям центр устанавливал квоты на аресты и расстрелы. Эти фундаментальные факты существенно ослабили позиции тех историков, которые исходили из представлений о стихийности террора и его предопределенности слабостью диктатуры, напряжением в системе центр — регионы и т.д. В последние годы жизни Сталина стало особенно заметным, что диктатор

являлся своеобразной надстройкой над вполне самостоятельной системой управления и принятия решений. Это было ключевой предпосылкой быстрого перехода от диктатуры к новой олигархии. Произошла естественная, уже не подавляемая диктатором конверсия ведомственного административного влияния в политическое.

А в самом ли деле единство мира — это то, что даёт опытная наука для подтверждения теории права и государства? В своё время Ф. Энгельс сказал, что это единство доказывается «длинным и трудным развитием философии и естествознания»³⁴.

С естествознанием все ясно — оно имеет дело с природой, с ее явлениями. А как быть с обществом, с государством, с правом, с волей народа? По крайней мере, эмпирически надо подключить к естествознанию теоретико-правовые науки. Правда, наши общественные и исторические науки не годятся для этого по той простой причине, что с прошлого века, вместо науки есть апология превратной текущей политики от имени партии, государства, чего угодно, но не науки истории государства и права.

Возьмем центральный пункт и зададим вопрос: куда наши теоретики исторического материализма подевали своё общественное бытие, которое определяет политическую организацию, государство, право, сознание? В том-то и дело, что в сочинениях наших теоретиков прослеживается парадокс: сознание политиков определяет базис и всё остальное, сознание является исходной платформой, определяющим базисом, который должен определять не только научный взгляд на что-то, но даже и общественные отношения, отношения в обществе, его законы, его нормы права, внутреннюю и внешнюю политику. Как видите, «мнения правят миром» и до сих пор. Теперь можно представить, какой страх сидит перед политиками и теоретиками, кто осмелится доказать ненаучность мнений. Этот страх хуже, чем в эпоху средневековья! Естественно, при такой форме положения учёного в обществе теория права и государства как «догматический катехизис марксизма»³⁵ исключается из единства мира. «Вся мировая история показывает нам определяющее влияние религии и этики на всю сферу производства: вся мощная техника античного и средневекового строительства подчинена религии (храмы, гробницы, пирамиды), она совсем не «экономична» и не экономна, но аскетична, духовна и полна жертвенности. Тысячелетний уровень техники и хозяйства в древних цивилизациях Китая и Индии можно понять только из религиозно-эти-

³¹ Санкт-петербургское общество классической немецкой философии // Познавательные материалы. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-66547.html> (дата обращения — 27 октября 2014 г.).

³² «Отмирание» — это вообще не научная категория, а представление, мнение.

³³ Санкт-петербургское общество классической немецкой философии // Познавательные материалы. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-66547.html> (дата обращения — 27 октября 2014 г.).

³⁴ Маркс К.и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1955. С. 43, 457.

³⁵ Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. Соч. / сост. и прим. Сапов. М., 1995. С. 15.

ческой установки этих культур. Когда радикальный буддизм распространился в Индии, в некоторых местностях совершенно прекратилось земледелие. Достаточно взглянуть на Средневековье, чтобы тотчас признать, что религия здесь вовсе не была «надстройкой», но, напротив, сама строила все и была архитектурой всего здания»³⁶.

«Возможно ли вообще материалистическое понимание истории? Совместима ли история с материализмом? Нет, ни один из тезисов материалистического мирозерцания, которые награждены для обоснования исторического материализма, его не обосновывают: ни теория «отражения», ни тезис «бытие определяет сознание», ни, наконец, первичность природы, материального мира и вторичность, производность сознания, мышления»³⁷.

Подлинная диалектика вскрывает одно из фундаментальных противоречий марксизма, которое можно сформулировать так: или все «идеологии» суть лишь замаскированные интересы, идея абсолютной правды и справедливости есть фикция — и тогда идеология марксизма не объективная истина, а лишь преходящее выражение интересов одного класса в одну историческую эпоху; или же, напротив, марксизм есть объективная истина, пролетариат не просто защищает свои интересы (как то делает буржуазная и всякая иная идеология), но осуществляет идею правды и справедливости в истории — и тогда эта идея правды и справедливости не есть фикция, тогда идея движет историей и тогда прав Гегель в своем «объективном идеализме»³⁸.

Но ведь непосредственный способ знания генетически, по своему происхождению связан с платоновским моментом припоминания: не извне человек получает знание, моральность, красоту, добро, а исключительно развивая это в себе самом. В противном случае лагеря и тюрьмы, в которые отправляли именем государства, были бы величайшими школами добродетели! Вот вам и всенародное государство, государство для всего народа. Но разве рабовладельческое государство было для части народа? Нет, оно было и для рабов, и для рабовладельцев. И наше государство тоже есть государство и тех, кто управляет обществом, и тех, кто управляем в обществе, — общенародное государство! Но те, кто правит, и те, кто управляемы, — это и есть внешнее различие формы и содержания этого общества, распадающегося на общество и государство.

Теоретики светлого будущего, которые заняли позицию внешней противоположности нашего общества всей предшествующей истории,

думают, что тем самым уехали в светлое будущее. Это означает что, когда занимается такая позиция, историческое развитие не входит в содержание и форму современного общества и государства, наше общество не есть результат всего предшествующего исторического развития.

А как же быть с многообразием форм различных государств? Их-то современная теория права познаёт или не познаёт или только констатирует многообразие? Тогда возникает ещё один вопрос: теория права и государства есть наука о всеобщих законах развития права и государства? Да! Но познаёт ли теория права сущность многообразия явлений общества, права, государства? Если скажем «нет, не познаёт», то окажется, что всеобщее единство, до которого так долго добивались, вообще находится по одну сторону всего сущего, а само многообразие — по другую. Получится всё та же побасенка, вариация на тему Платона: идеи Платона существуют где-то высоко-высоко в потустороннем мире, а действительный мир существует по эту сторону низко-низко и близко-близко к нам! Получатся два мира, о которых Платон никогда не писал. Если вы скажите, что сущность — она и есть во всём многообразии существования всего объективного мира, во всей его эмпирической единичности и случайности, и задача науки перечислить, пересчитать ее и систематизировать, то, простите, это не сущность. Разве сущность человеческого духа составляет ощущение? Дж. Локк и Э. де Кондильяк могли думать так, потому что полагали: то, что есть природное, историческое начало, то и есть истинное. Эта ошибка настолько «серьезная», что не заслуживает рассмотрения, ибо если природное, историческое в качестве начала есть истинное, то, простите, человеку тогда вообще не надо двигаться в истории — история не нужна, потому что дикарь и есть настоящий человек! Значит, и тут у нас ничего не получается. Сущность духовной жизни, сущность человеческого духа вовсе не ощущение, а то, что является его собственной противоположностью.

Итак, познаёт ли наука о праве и государстве сегодня всё многообразие явлений права и государства? Если мы просто останавливаемся на правовых явлениях, т.е. фиксируем их, воспроизводим, описываем, систематизируем, то это вообще не познание, а созерцание. Самая примитивная форма проявления есть неорганическая природа вместе со всеми конечными формами перемещения, механическими формами движения и прочим, а самой высшей формой является государство. Отсюда для нас следует чрезвычайно важное понимание, что философия права вовсе не есть просто познание права и государства как развивающегося целого.

Поэтому «вхождение» науки о праве в область философии может быть понято лишь как

³⁶ Там же. С. 112.

³⁷ Там же. С. 85.

³⁸ Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. Соч. / сост. и прим. Сапов. М., 1995. С. 100.

ее неизбежное возвращение к собственным теоретическим истокам (которые в пределах самого правоведения, как и во всякой положительной науке, никогда не могут быть отрефлексированы). Ведь именно философия и философское постижение сущности бытия составляют действительный исторический и генетический источник формы научного знания. Исторически развитие познания в форме науки начинается только тогда, когда Парменид (VI–V вв. до н.э.) дал исходное логическое определение бытия. Дальнейшее развитие наук, их методы, структура, ориентация на предмет находились в прямой зависимости от того, как философия подходила к делу познания сущности бытия³⁹.

Сейчас у нас рекомендуют познавать человека в его неповторимой индивидуальности, т.е. хотят особенное сделать абсолютным. Очередная затея воинствующего рассудка, абсолютно ненаучный подход к познанию человека. На этом синкретизме и бессмысленной путанице построены и все современные концепции социологии личности и социологии права и криминологии: вроде хотят иметь дело с личностью, а всё время имеют дело с индивидуальностью в её случайном определении. Для личности не имеет никакого значения, сидит ли этот тип в правительственной машине или идёт пешком, не имея никакого транспортного средства.

Это есть не что иное, как механическое возведение индивидуальности в положение личности. Это то, что в нашем обществе, особенно в государственном аппарате, называется «дослужился». Невежество спокойно поднимается по ступеням, занимает пост и место, восседает в кресле, на том месте, где должна находиться личность. Нетрудно догадаться, какие практические последствия следуют за этим: всё, что отличается от этой «личности», все, кто осмеливаются спорить с этой «личностью», подлежат преследованию и искоренению. От своего невежества избавиться политически заангажированные «личности» просто не желают, иначе обнажилась бы их истинная и аморальность, правда, которая им не выгодна. Таким образом, тотальная лож становится закамуфлированной формой невежества.

Как утверждал Р. Рорти: «Мы можем сохранить термин «мораль», прекратив считать ее голосом божественной половины внутри нас, а вместо этого считать ее нашим собственным голосом, как членов общества, которые говорят на одном языке... Важность этого сдвига состоит в том, что уже не возможно спросить: «Являемся ли мы нравственным обществом?»... Этот сдвиг соответствует обществу, рассматриваемому как группа эксцентричных людей, со-

трудничающих ради взаимной защиты, а не как собрание родственных душ, объединенных общей целью»⁴⁰.

Поэтому, если человек начнет движение вспять к первобытным дикарям, на самом деле, это будет началом развития человека. Человек только тогда и начинает выступать как человек, когда он стоит на своих собственных ногах, а не на ногах общности, общества, государства и т.д. Чтобы человек начинался как человек, ему нужно самоопределение, а не внешняя опора на что-то или на кого-то. Там, где начинается человек, не нужны ни партии, ни госаппарат, ни утверждение себя в пределах класса, клана, касты; для высказывания своих мыслей ему нет необходимости заниматься начетничеством, бесконечно цитируя классиков, — всё это ему не нужно.

Таким образом, можно констатировать следующее: философия познает единую всеобщую сущность бытия, при этом она должна объяснить, в чем заключается развитие этого единства, каким образом бытие, оставаясь единым бытием, раскрывает свои существенные грани, как бы высвечиваясь в бытии природы, человека, государства и права. Только тогда знание об этих формах бытия приобретет методическую стройность, а их необходимость будет оправдана в единой системе научного знания. Эти стороны знания бытия по мере развития «первой философии» формируются в отдельные философские науки: натурфилософию, философию истории, философию права и т.д. Но вместе с тем философские науки все равно остаются науками о едином бытии, иначе они не были бы таковыми.

Именно так философия права выступает в качестве всеобщего основания теории права. Этим определяется ее практическое значение. Однако философия права не может подменить собой эту теорию, призванную заниматься анализом эмпирического материала, который заключен в исторически сложившихся нормах права, в переплетении случайного и необходимого в правовой практике, в сравнении правовых систем различных народов. Не следует ожидать от философии права также и обобщения данного материала. Это должно быть делом самой правоведческой науки. Как наука философия права имеет свой собственный предмет, неотделимый от философии в целом, метод — диалектический и категориальный аппарат, понятия. Понятие, согласно рассмотренному мнению, есть единство бытия и сущности.

Таким образом, философия права призвана изучать сущность государства и права со стороны ее укорененности во всеобщей сущности мироздания, во всеобщем бытии. Поэтому она имеет

³⁹ Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология / А.П. Альбов, Д.В. Маслеников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. и др. СПб., 1997. С. 10.

⁴⁰ Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М., 1996. С. 90.

своей предпосылкой всеобщую теорию бытия. Философия права конкретизирует «первую философию», показывая, почему и как сущность мироздания заключает в себе возможность (и необходимость) бытия личности, бытия справедливости, бытия государства и права. Это позволяет отделить истинное право, укорененное в бытии и дающее начало жизни личности и народа, от мертворожденных норм. Последние, пусть даже они утверждены государством, все равно имеют лишь видимость бытия. Мертворожденные нормы, имитируя форму права, становятся, однако, совершенно неотделимы от истинных правовых норм (поскольку в области права значима именно формальная сторона дела). В жизни их обличает суд истории, в сфере теоретического мышления такую возможность дает только философия права, следовательно, начало постижения всеобщего — это конец произвола.

Список литературы:

1. Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. Соч. / сост. и прим. Сапов. М., 1995.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1929. С. 5.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
4. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М., 2001.
5. Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012. Т. 1.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». Соч. 2-е изд., Т. 20, 22.
7. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М., 1996.
8. Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология / А.П. Альбов, Д.В. Маслеников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. и др. СПб., 1997. С. 10.
9. Санкт-петербургское общество классической немецкой философии // Познавательные материалы. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-66547.html> (дата обращения — 27 октября 2014 г.).
10. Солженицын А.И. Двести лет вместе. М., 2002. Т. 2. С. 75.
11. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952.
12. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической истории. СПб., 2001.

About Concepts and Categories in the Philosophy and Theory of Law (or what distinguishes science from opinions in science)

Al'bov A.P.

Doctor of Law, professor,
Head of «Theory and History of State and Law» Financial University under
the Government of the Russian Federation
E-mail: aap62@yandex.ru

Abstract. *This paper shows that the relation of philosophy and theory of law, you cannot imagine it, if we are talking about the synthesis of two equally formed, opposing areas of knowledge. This approach is a serious simplification of distorting the essence of their relationship. The primary philosophy in relation to any positive science about nature, man and society, as the primary the idea of creative science. Therefore, the occurrence of «the science of law in the field of philosophy can only be understood as the inevitable return to their theoretical origins». Philosophy and philosophical knowledge of the essence of law and the state are valid historical and genetic source forms of scientific knowledge of these institutions.*

Keywords: *philosophy of law, theory of law, legal consciousness, dialectical materialism, dialectics, Marxism-Leninism, law, government, concepts, categories.*

References:

1. Vysheslavcev B.P. Filosofskaya nisheta marksizma. Soch. / sost. i prim. Sapov. M., 1995.
2. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. M.: Profkom slushatelei instituta krasnoi professury, 1929. S. 5.
3. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990.
4. Kerimov D.A. Metodologiya prava. Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 2-e izd. M., 2001.
5. Lin'kov E.S. Lekcii raznyh let. SPb., 2012. T. 1.
6. Marks K., Engel's F. Vvedenie k angliiskomu izdaniyu «Razvitie socializma ot utopii k nauke». Soch. 2-e izd. T. 20, 22.
7. Rorti R. Sluchainost', ironiya, solidarnost'. M., 1996.
8. Russkaya filosofiya prava: filosofiya very i нравственности. Antologiya / A.P. Al'bov, D.V. Maslеников, A.I. Chislov, S.V. Filippova. i dr. SPb., 1997. S. 10.
9. Sankt-peterburgskoe obshestvo klassicheskoi nemeckoi filosofii // Poznavatel'nye materialy. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-66547.html> (data obrasheniya — 27 oktyabrya 2014 g.).
10. Solzhenicyn A.I. Dvesti let vmeste. M., 2002. T. 2. S. 75.
11. Stalin I.V. Voprosy leninizma. 11-e izd. M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1952.
12. Habermas Yu. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi istorii. SPb., 2001.